

Чарская Лидия Алексеевна

За царя и родину

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
За царя и родину / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 41 с.

ISBN 978-5-521-29820-4

ISBN 978-5-521-29820-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

послала этимъ вызовъ нашей дорогой родинѣ, постоянной защитницѣ славянскихъ народовъ. Само собою разумѣется, что мы, видя боевыя приготовленія Австріи и, главнымъ образомъ, ближайшей нашей сосѣдки Германіи, должны были, въ ожиданіи ихъ нападенія на насъ, приготовиться достойно встрѣтить угрожающихъ намъ враговъ. И вотъ, кичливый Вильгельмъ, не пожелавшій тишины и мира, давнымъ-давно завидовавшій могуществу и силѣ Россіи, первый бросилъ боевую перчатку русскому правительству. Россіи оставалось съ достоинствомъ ее поднять.

И, вслѣдъ за тѣмъ, начался какой-то восторженный сумбуръ. Снова пошли непрерывныя манифестаціи. Зазвучали торжественныя звуки гимновъ на улицахъ и подъ кровлями общественныхъ учрежденій, чередующіеся съ громовыми, долго несмолкающими криками „ура“. То здѣсь, то тамъ стали произносить восторженные рѣчи; особенно часто говорили онѣ передъ балконами посольствъ дружественныхъ намъ государствъ. Посланники выходили на балконы и раскланивались народу, отвѣчая рѣчами на теплыя привѣтствія толпы. На каждомъ шагѣ устраивали оваціи встрѣчнымъ офицерамъ. Останавливали ихъ экипажи, автомобили и извозничьи скромныя пролетки, подхватывали сидящихъ въ нихъ офицеровъ на руки и качали ихъ подъ дружное оглушительное „ура“. Всюду теперь была сутолока и суматоха. Въ магазинахъ офицерскихъ и солдатскихъ вещей торговля въ эти дни шла

особенно бойко. Еще болѣе бойко и ретиво торговали газетчики. Выходили, то и дѣло, новые выпуски газетъ, несущихъ свѣжія извѣстія. Поговаривали о второмъ врагѣ Россіи. Австріи, которая слѣдомъ за Германіей должна была вотъ-вотъ, со дня на день, объявить намъ войну. Говорили о дружественномъ соглашеніи трехъ націй: Россіи, Англіи и Франціи, и опять звучалъ, не смолкая отъ зари до зари, знакомый и дорогой каждому русскому сердцу гимнъ „Боже, Царя храни“, чередующійся съ громкимъ, подолгу несмолкаемымъ „ура“.

II.

Семья Жоржика невелика. Мать, величавая, спокойная, всегда грустная и задумчивая, всегда погруженная въ печальныя мысли о своемъ горѣ. Она — вдова героя, павшаго на полѣ брани въ послѣднюю русско-японскую войну. Съ ними еще живутъ двѣ тетки — родныя сестры покойнаго отца; затѣмъ Жоржикъ, голубоглазый тоненькій, совсѣмъ еще юный и хрупкій по виду, но съ упорнымъ профилемъ и энергичной упрямой складкой у рта, унаслѣдованными имъ отъ отца, и Леля, вѣчно ликующая, радостная, смѣющаяся четырнадцатилѣтняя дѣвчурка, „красное солнышко“ семьи.

При первомъ же извѣстіи о войнѣ, въ семьѣ Кубанскихъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ семьяхъ, все перевернулось вверхъ дномъ. Забывались часы обѣдовъ и ужиновъ, ежечасно покупались экстренныя добавленія всевоз-

можныхъ газетъ. Нанимали таксомоторъ и ѣздили смотрѣть на манифестаціи всей семьей. Мать попрежнему была тиха и печальна, еще глубже замкнулась въ своемъ горѣ, особенно ярко выступившемъ въ ея памяти въ дни приготовленія къ новой войнѣ; тетки, поминутно охающія, испуганныя и взволнованныя страхомъ передъ боевою грозой и, наконецъ, Лелечка, негодующая, гнѣвная, вся такъ и искрящаяся молодымъ задоромъ.

— Германія—войну намъ? Вильгельмъ на насъ? Пруссакѣ осмѣлились? Да вѣдь это... это...—и, не находя словъ, Лелечка топала ногами, сверкала глазками и разбила, въ концѣ концовъ, алебастровую статуетку Вильгельма, а слѣдомъ за нею уничтожила и открытку съ изображеннымъ на ней Францемъ-Іосифомъ, императоромъ австрійскимъ, и до хрипоты кричала вмѣстѣ съ манифестантами „ура“ и „живіо“ передъ сербскимъ посольствомъ.

Относительно Жоржика, котораго она, кстати сказать, боготворила съ дѣтства, Лелечка была совершенно спокойна. Выпущенный въ гвардію, Жоржикъ никакъ не могъ быть взятымъ сразу на театръ военныхъ дѣйствій. По слухамъ, гвардія, пока-что, оставалась въ Петроградѣ. Правда, на долю Жоржика выпала тьма работы по приему и сдачѣ запасныхъ, безконечное сидѣнье надъ записями въ канцеляріи воинскаго начальника, и только поздно вечеромъ, и то рѣдко, Лелечкѣ удавалось мелькомъ повидать брата, когда тотъ, полуживой отъ усталости и голода, пріѣзжалъ домой перекусить и

отдохнуть немного, чтобы снова съ разсвѣтомъ мчаться туда, гдѣ лихорадочно кипѣла работа и люди не спали надъ записями возвращающихся изъ запаса въ дѣйствующую армію запасныхъ солдатъ цѣлую долгую ночь. Но все же Лелечку бодрило и радовало сознаніе, что Жоржикъ здѣсь, около нея, дома, что онъ живъ, здоровъ, внѣ всякой опасности и находится подъ родной кровлей.

И Лелечка засыпала спокойная за своего любимца-брата въ эти ночи.

Лелечка воспитывалась на казенный счетъ въ институтѣ, какъ дочь героя, павшаго на войнѣ. Отца своего она помнила прекрасно. Ей было уже около пяти лѣтъ, когда она его потеряла. Никогда не забудетъ она, Лелечка, того ужаснаго дня, когда съ мать, вернувшись однажды изъ главнаго штаба, куда ѣздила ежедневно за справками объ отцѣ съ самаго перваго дня войны и его отъѣзда на дальній востокъ, вошла въ гостиную съ бѣлымъ, какъ мѣль, лицомъ. Въ гостиной сидѣли тогда двѣ тетки, тетя Юля и тетя Зина, маленькій Жоржикъ, которому тогда было всего девять лѣтъ, и она крошка Лелечка. Мама вошла и, прошептавъ беззвучно: „молитесь за папу, дѣти, его уже нѣтъ въ живыхъ“, безъ чувствъ грохнулась на полъ. Лелечка смутно помнитъ, что было потомъ. Тетки Юля и Зина, поминутно впадая въ слезы, хлопотали около матери. Прислуга бѣгала и суетилась съ напатырнымъ спиртомъ и водою. Сама же крошка Лелечка, забившись куда-то въ уголъ, повторяла, плача больше отъ страха:

— Папочка! Папочка! Я хочу папочку!— И тогда-то, Жоржикъ, большеглазый, хрупкій, какъ дѣвочка, бѣлокурый Жоржикъ, подошелъ къ сестренкѣ, положилъ ей на плечи свои худенькія ручки и, заставивъ поднять малютку залитое слезами лицо, произнесъ строго и серьезно, тономъ вполне взрослого человека:

— Перестань плакать сейчасъ же, слышишь? Папочку жалко, а только и мамочку пожалѣть надо. Видишь, какое съ нею случилось. А если кричать и плакать будешь, то и она умретъ.

Что-то было такое въ тонѣ и голосѣ этого девятилѣтняго малютки, отъ чего мигомъ высохли слезы Лелечки, и она довѣрчиво прижалась головкой къ плечу брата. Съ этого самаго дня и началась между малютками самая нѣжная, самая трогательная дружба, окрѣпшая съ годами. Въ домѣ же, со смертью отца, пошла совсѣмъ новая жизнь. Мать, какъ будто закаменѣла въ своемъ горѣ и не пролила ни одной слезинки по дорогомъ усопшемъ. Только строже и замкнутѣе стало ея блѣдное, похожее теперь на мраморное, съ застывшими чертами, лицо. И тетки притихли, нося теперь въ сердцахъ постоянную горечь потери. Затаилъ въ себѣ что-то съ этого дня и маленький Жоржикъ. Онъ сталъ просить взять его изъ Анненской школы, гдѣ учился въ младшемъ классѣ, и перевести въ корпусъ. Теперь Жоржикъ бредилъ боями, стычками и маршами, расцѣвалъ боевыя пѣсни и мечталъ о войнѣ. Забавный, остриженный наголо, со своими корпусными любимыми кадетскими выраженіями и словечками, съ безконечными разсказами о томъ, какъ они „разы-

грали“ нелюбимаго преподавателя, или какъ имѣли счастье лицезрѣть обожаемаго Государя и заслужить, въ Его прїѣздъ, Царское спасибо, Жоржикъ проводилъ теперь съ сестрою только рѣдкіе часы досуга. Но его рассказы о корпусной жизни, о товарищахъ-кадетахъ и успѣхахъ, ловились на-лету жадными ушами Лелечки. И кадетъ-братишка представлялся дѣвочкѣ какимъ-то высшимъ, необыкновеннымъ существомъ. Потомъ и Лелечку отдали въ закрытое учебное заведеніе. Каждый праздникъ можно было наблюдать марширующаго по направленію института Жоржика, спѣшившаго на прїемъ къ сестрѣ. И опять шла безконечно милая болтовня между ними вплоть до самаго звонка, возвѣщавшаго о прекращеніи воскреснаго свиданія съ родными, и братъ съ сестрою съ грустью разставались, обѣщая встрѣтиться снова въ первый же праздничный день. Дѣти подрастали, и съ каждымъ годомъ крѣпла ихъ трогательная, душевная дружба. Жоржикъ прекрасно кончилъ свое образованіе въ корпусѣ и поступилъ въ юнкерское училище, ни на одинъ день не забывая своей дружбы съ сестрой.

III.

— Завтра, съ восходомъ солнца, мы выступаемъ!..

Казалось бы, молнія, внезапно упавшая съ неба, не могла сильнѣе испугать и ошеломить четырехъ, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ, женщинъ, нежели это внезапное извѣстіе.

А неожиданно появившійся на порогѣ комнаты Жоржикъ весь такъ и сіялъ молодымъ, радостнымъ оживленіемъ. Сіяли голубые Жоржикины глаза, сіяла свѣтлая улыбка, сіяли какъ будто и коротко остриженные волосы. Бросивъ на стулъ фуражку, онъ бодрыми увѣренными шагами подошелъ къ сидѣвшей у самовара матери:

— Благословите, мамочка! Завтра выступаемъ въ походъ.

— Но вѣдь гвардія...

— Вся гвардія какъ высочайшей милости просила Государя Императора двинуть ее въ первую голову, чтобы дать намъ возможность послужить Царю и Родинѣ.

— Куда... васъ отправляютъ?

— Неизвѣстно. Рѣшено даже не опубликовать въ газетахъ маршрутовъ и расположенія войскъ. Слишкомъ много было несчастій въ послѣднюю японскую войну благодаря доставленію мельчайшихъ свѣдѣній публикѣ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Теперь правительство рѣшило поступать иначе и не оповѣщать населеніе о событіяхъ. Такъ будетъ лучше. Объ убитыхъ и раненыхъ своевременно опубликуютъ въ газетахъ. Можно будетъ узнавать о нихъ и въ главномъ штабѣ... Да, все это мелочи по сравненію съ тѣмъ взрывомъ патріотическаго восторга, который наблюдается нынче въ народѣ, и сейчасъ у насъ въ Петроградѣ, Богъ знаетъ, что дѣлается! Манифестація за манифестаціей. „Ура“ и „Боже, Царя храни“ то и дѣлосмѣняются одно другимъ. Къ сербскому посоль-

ству по три раза въ сутки ходятъ, кричатъ „живіо“! Посланникъ выходилъ благодарить. Офицеровъ качали на всѣхъ перекресткахъ. Мы съ Невѣровымъ на моторѣ ѣхали; такъ остановили, сняли съ мотора. Хотѣли мы, было, убѣжать отъ незаслуженной чести,—куда тамъ! Минутъ десять качали, подбрасывали. И лица у нихъ всѣхъ такія праздничныя, счастливыя, хоть сейчасъ занести любому художнику на полотно. Самого предсѣдателя Думы въ толпѣ замѣтили у посольства; наравнѣ съ простыми манифестантами „ура“ кричалъ и пѣлъ гимнъ. А Бѣлградъ-то, все еще держится. Такіе молодчинищи, эти сербы! Герои! Богатыри! Ну, да теперь скоро конецъ ихъ мукъ. Идемъ на помощь. Завтра будетъ опубликованъ одинъ манифестъ; а тамъ, дастъ Богъ, скоро выйдетъ и другой. Готовимъ подарки колбасникамъ. Всѣмъ по заслугамъ. Лопнуло терпѣнье; забурлила славянская кровь. Поздравляю всѣхъ васъ съ войною!

И Жоржикъ въ избыткѣ переполнявшихъ его сердце чувствъ, заключилъ въ объятія сначала мать, потомъ перецѣмовалъ обѣихъ тетокъ и кинулся съ протянутыми руками къ сестрѣ.

И тутъ случилось что-то, чего никакъ не ожидали ни мать, находившаяся въ своемъ обычномъ состояніи замкнутого спокойствія (чуть только дрогнули ея губы да скорбно изломились брови на блѣдномъ лицѣ, при извѣстїи о выступленіи въ походъ сына), ни тетки, растерянными, налившимися слезами

глазами глядѣвшія на ихъ общаго кумира. Да и сама Лелечка менѣе всего ожидала отъ себя того, что случилось сейчасъ. Безъ кровинки въ лицѣ, бллая, какъ батистовый воротничекъ ея лѣтней блузки, съ огромными, расширившимися зрачками, съ перекопленнымъ судорогою страданія и испуга ртомъ, она рванулась къ брату съ дикимъ, полнымъ неописуемаго отчаянія крикомъ:

— На войну? Чтобы искалѣчили? Чтобы убили, какъ папочку? Не отдамъ, не пущу! Ничего не пущу!. Жоржикъ, милый мой, родной мой, братецъ любимый!—и она вся затрепетала, вся забилаясь, какъ слабая былинка, какъ вѣточка подъ натискомъ бури, въ обхватившихъ ее рукахъ брата, не слушая увѣщаній, отталкивая тетокъ, бросившихся къ ней со спиртомъ, водою и утѣшеніями, и продолжая кричать на весь домъ отчаяннымъ, страшнымъ голосомъ:

— Не пущу!.. не отдамъ! не могу!.. не могу!.. о, Господи... Господи!..

Тетя Юлія поспѣшила къ окнамъ и плотно закрыла ихъ, чтобы сосѣди по дачѣ (Кубанскіе проводили это лѣто въ Ораніенбаумъ, въ сорока верстахъ отъ Петрограда) не могли слышать воплей и плача дѣвочки. Тетя Зина мочила Лелѣ о-де-колономъ виски и, то и дѣло, давала нюхать изъ маленькаго граненаго флакончика спиртъ, и самъ Жоржикъ, бережно и братски нѣжно, гладилъ горячія какъ огонь и мокрыя отъ слезъ щеки сестры и тихо, вполголоса, говорилъ что-то о своемъ долгѣ передъ Царемъ и Родиной и о своемъ ненасытномъ стре-

мленіи вложить свою скромную лепту въ общее дѣло спасенія славянства и защиты чести дорогой родины.

Лелечка рыдала. Все—и славянство, и родина, и долгъ—казалось, отошло, вылетѣло изъ ея души и мыслей въ эти минуты отчаяннаго страха за жизнь Жоржика. Думалось только про свое, личное, кровное горе; думалось и переживалось съ такою невыразимой мукой, съ какой еще ничего не переживалось до сихъ поръ бѣдною Лелечкой.—Жоржика берутъ. Онъ выступаетъ съ зарею... Пройдетъ десятокъ-другой дней и можетъ быть... ужасъ... ужасъ!..

Все громче, все изступленнѣе дѣлались слезы. Отчаяніе опьяняло дѣвочку, свинцовой тяжестью ложилось ей въ душу. Все тускнѣло, все исчезало и казалось маленькимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ уходомъ Жоржа на войну.

— Не могу, не хочу!.. не пущу его!.. не могу!—слышались все тѣ же изступленные вопли. Тогда поднялась съ кресла величавая, спокойная фигура матери. Съ тихимъ шелестомъ чернаго платья (иного цвѣта она не носила со дня смерти мужа) подошла она къ дочери, и ея худыя, блѣдныя руки осторожно, съ ласковымъ усиліемъ, стали отрывать отъ плеча Жоржика все залитое слезами Лелино лицо.

— Тише, Елена, тише,--зазвучалъ своими металлическими нотками всегда тихій, ровный, ласковый голосъ,--перестань, дитя. Что значать эти горести, эти переживанья, эти частныя наши семейныя печали передъ тѣмъ, что должна пережи-